

Культура древней

СОСТАВИТЕЛЬ
Э. С. СМЕРНОВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1967

РОССИЯ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(XVII в.)

XVII ВЕКА начинается, по определению В. И. Ленина, «новый период в русской истории (примерно с 17 века)». Предпосылки начала этого нового периода лежали в экономике — в образовании общего всероссийского рынка, в преодолении экономической раздробленности и во все «усиливающемся обмене между областями».

Русская культура XVII века отличается смешением противоречивых явлений: остатков старого и элементов нового. Новое побеждает медленно, но неуклонно.

Новые явления с особенной силой сказываются в русской литературе XVII века, которая характеризуется постепенным освобождением человеческой личности, осознанием ценности человека самого по себе, вне его официального положения в обществе. Это новое отношение к человеческой личности, с такою силою сказавшееся в литературных произведениях XVII века, пришло на гребне крестьянских восстаний, городских волнений и церковных

раздоров XVII века. Рушились общественные и религиозные учреждения, существование которых было освящено веками.

Уже эпоха борьбы с польской и шведской интервенцией начала XVII века выдвинула на историческую арену народных деятелей нового типа. В первые ряды русских национальных героев выдвинулись неизвестные дотоле люди, не принадлежащие ни к царствующим династиям, ни к княжеским родам, ни к духовенству. «Говядарь» (т. е. мясник) Минин, как одно из главных действующих лиц в русской истории, рядом с князем Пожарским был бы совершенно невозможен в предшествующее столетие. Авторы и инициаторы исторических сочинений о событиях начала XVII века — князь Хворостинин, Авраамий Палицын, патриарх Филарет и другие — очень много говорят о себе, стремятся оправдать свое поведение в годы интервенции. Эпический характер летописей сменяется личной заинтересованностью мемуаристов. Живая человеческая личность со всеми ее достоинствами и недостатками ставится в центр изложения. Лучшие произведения начала XVII века, посвященные событиям «Смуты», заняты характеристиками исторических деятелей — Федора Иоанновича, Бориса Годунова, В. Шуйского, Лжедмитрия I, патриарха Гермогена и многих других. К этим лучшим произведениям, несомненно, принадлежат «Иное сказание», «Сказание» Авраамия Палицына, «Повесть» Катырева-Ростовского, «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина, «Временник» дьяка Ивана Тимофеева.

Интерес к человеческой индивидуальности особенно характерен для второй половины XVII века. В 60-х годах дьяк Грибоедов пишет историю для детей, где дает психологические характеристики русских царей и великих князей. В конце XVII века появляется «Повесть о Савве Грудцыне», в которой все внимание читателя приковано к внутренней жизни «среднего» неизвестного человека и к его личной судьбе.

Как и в предыдущие века, основными жанрами литературы остаются сказания, летописи, слова, поучения. Однако эти старые формы находятся в резком противоречии с вторгшимся в литературу новым содержанием: новыми сюжетами, темами и идеями. Новое содержание постепенно разрушает застывшие стеснительные жанры средневековой литературы. Явление чрезвычайно характерное для этой своеобразной борьбы нового содержания со старой формой в литературных произведениях второй половины XVII века представляет собою знаменитая автобиография — «Житие» протопопа Аввакума. Как личность Аввакум — типичный представитель нового времени. Он борется, гневается, исправляет нравы, проповедует, как вождь, но не как святой-аскет прежних веков. Свою биографию Аввакум изложил в жанре старого средневекового «жития», но форма «жития» дерзко нарушена Аввакумом. Аввакум пишет *собственное* «житие», описывает *собственную* жизнь, прославляет *собственную* личность, что казалось бы верхом греховного самовосхваления в предшествующие века. Язык сочинений Аввакума представляет собой исключительный по остроте соединения контраст церковно-славянизмов и просторечия. Высокопарные эпитеты соединяются народными пословицами, душевный тон разговора сменяется тяжелой книжной речью, выдержанной в канонах XVI века.

Сознание ценности человеческой личности развивается параллельно с сознанием значения народа в исторических событиях. В повестях о завоевании Сибири атаманом Ермаком, об Азовском осадном сидении казаков народные массы по собственной инициативе присоединяют к русскому государству города и области и сами за свой риск и страх их обороняют, проявляя беззаветную храбрость и мужество.

Пробудившаяся инициатива народных масс сказывается в создании народной литературы. Создателями этой литературы были простые крестьяне, ремесленники, мелкое духовенство, влачившее жалкое существование — то в церковных хорах, то в незначительных церковных приходах, иногда мелкие торговцы и вовсе бездомные люди, «скитавшиеся меж двор» и перебивавшиеся случайными заработками.

Для произведений этой литературы характерна их живая связь с фольклором и резко критическое отношение к действительности. По большей части это произведения сатирические, зло осмеивавшие суд, порядки монастырей, социальное неравенство и пр. В них выражаются жалобы на голод, холод, «безживотие безмерное» и «недостатки последние».

К числу лучших произведений этой демократической литературы принадлежат «Повесть о Ерше Ершовиче», описывающая под видом тяжбы между ершом и лещом земельные тяжбы XVII века, «Повесть о Шемякином суде», изобличающая взяточничество судей, «Азбука о голом и небогатом человеке», рассказывающая о злочлечениях бедного москвича-посадского, «Служба кабаку», дающая яркую картину кабацкого пьянства, «Повесть о попе Савве», изобличающая взяточничество духовенства, «Повесть о куре и лисице» и «Повесть о бражнике», выступающие против церковного лицемерия, «Калязинская челобитная», дающая яркое представление о пьянстве в монастырях, «Лечебник, как лечить иноземцев», выражающий враждебное отношение к искателям легкой наживы из иностранцев, нахлынувшим в Россию в середине XVII века, и многие другие.

В этих произведениях мы нередко сталкиваемся с такими чертами, которые далеко опережают свою эпоху. К таким произведениям, как бы вырывающимся за пределы эпохи, их породившей, принадлежит, например, исключительная по глубине содержания и силе выражения «Повесть о Горе Злочастии». Своими гуманистическими тенденциями она во многом опережает и литературу своего времени и даже литературу первой половины XVIII века. «Повесть» рисует «злую немерную наготу, и босоту, и бесконечную нищету», «недостатки последние» безымянного молодца, с сочувствием, с лирической проникновенностью и драматизмом дает образ безвольного, бездомного бродяги-пропойцы, дошедшего до последней степени падения.

Автор «Повести» смело обращается к формам устного народного творчества.

Но «Повесть о Горе Злочастии» не проложила новых путей в литературе. Это была находка отдельного автора. Сдерживаемая силой средневековых традиций, русская литература, как и вся русская культура, продолжала изживать формы старого творчества.

• • •

К XVII веку относится возникновение русского театра. Элементы театрального искусства были в России и раньше: в представлениях скоморохов и в церковной службе, но регулярный характер — с написанным текстом пьес, с особым помещением для театральных представлений — зрительным залом, сценой с декорациями и бутафорией — театральные представления приобрели только в 1672 году. В этом году был организован театр при дворе царя Алексея Михайловича. Первое представление состоялось на немецком языке: постановщиком его был пастор Грегори из Немецкой слободы в Москве. Первыми актерами и декораторами были также иноземцы. Но вскоре стали набираться русские актеры, и пьесы ставились уже на русском языке. Содержанием пьес служили библейские и некоторые исторические и мифологические события. На устройство театра тратились огромные средства, и пьесы ставились с большой пышностью, но серьезного значения в истории русской культуры этот первый театр не имел. После смерти Алексея Михайловича театр был закрыт, и новые театральные представления появились только при Петре I.

• • •

Если говорить о самом общем впечатлении, которое оставляет знакомство с памятниками русской архитектуры XVII века, то это будет впечатление резкого усложнения архитектурных форм, впечатление их праздничного богатства.

На место все еще существовавших в XVI веке областных, территориально-ограниченных архитектурных школ (московской, новгородской, ярославской и т. д.) встало единое, нерасчлененное по областям искусство. И это искусство формируется под влиянием нового мировоззрения, нового, неаскетического отношения к внешнему миру, к природе, к человеку. Новое миропонимание сказывается и в связи здания с природой путем раскидистых лестниц, крылец, переходов, «галдарей» (например, церковь Покрова в Филях, 1693), и в общем живописном решении архитектурных задач, и в исключительной декоративности зданий, и в богатстве орнаментации, и во внесении цвета в архитектуру, широко использующую многоцветную окраску и керамику (собор Нового Иерусалима, ярославские храмы, Крутицкий терем), и в стремлении создать колоссальное внутреннее пространство (собор Нового Иерусалима), и в создании грандиозных архитектурных ансамблей (сооружение верхов башен Московского Кремля, кремль Ростова Великого и т. д.).

В XVII веке появляется много шедевров русской архитектуры. Сюда относятся превосходные образцы народной деревянной архитектуры, особенно обильные на русском Севере, — Владимирская церковь в селе Белая Слуда Архангельской области (1642), Ильинская церковь в селе Чухчерьма близ Холмогор (1657), Успенская церковь в селе Варзуге Мурманской области (1674), церковь в селе Юромское Архангельской области, церковь в селе Богословское близ Ростова (1687), деревянные стены и башни Якутского острога (1683), острог Николо-Карельского мона-

стыря на Северной Двине (1691—1692) (башня перевезена в музей села Коломенского под Москвой) и продолжающие традиции XVII века красивейшие церкви XVIII века Кижского погоста и села Кондопоги на Онежском озере.

В традициях этого народного деревянного зодчества был выстроен в 1667—1681 годах и знаменитый деревянный дворец царя Алексея Михайловича в селе Коломенском под Москвой. Постройки этого дворца были разобраны в 60-х годах XVIII века, но от него сохранились чертежи и рисунки. Из этих материалов мы можем составить себе довольно полное представление об этом роскошном сооружении, состоявшем из большого числа различных деревянных построек, объединенных между собою сенями и крытыми переходами; самые разнообразные кровли были украшены позолотой и расписаны яркими красками. Поэт XVII века Симеон Полоцкий называл дворец восьмым чудом света.

Тяга к нарядности, к украшениям, к многоцветности в архитектуре сказалась и в надстройке башен Московского Кремля шатровыми верхами, и в здании Теремного дворца Московского Кремля (1635—1636).

Образование общерусской единой архитектуры отнюдь не исключало возникновения новых местных архитектурных школ, органически слитых с общим движением русской архитектуры. В середине XVII века особенно выдвинулась ярославская архитектурная школа, тесно связанная с народными традициями и местными особенностями природы и быта. Целый ряд ярославских церквей XVII века принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры: церкви Ильи Пророка (1647—1650), Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654), Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687). Наряду с другими волжскими церквями ярославские постройки XVII века замечательны соединением монументальности с жизнерадостным разнообразием декоративного убранства. Многоцветные внутренние росписи удачно сочетаются с многокрасочными фасадами.

В XVII веке создаются целые крупные архитектурные ансамбли. Особенно замечателен архитектурный ансамбль Ростова Великого. Это целый большой кремль, но кремль, лишенный какого бы то ни было военного значения. Он имеет чисто декоративный характер. Высокие стены, башни, разнообразные верха церквей, повторенные в глади озера Неро, на берегу которого он расположен, напоминают театральную декорацию. Это одно из самых красивых русских архитектурных сооружений.

Сильнейшее воздействие на развитие пышности, узорчатости и усложненности фасадов оказывало украинское барокко. Чрезвычайно интересен своеобразный стиль, созданный зодчими бояр «западников» — Голицыных и Нарышкиных, так называемое «нарышкинское барокко». К числу выстроенных в этом стиле зданий относится московская церковь Покрова в Филях (1693), церковь Успения на Покровке (1696—1699), построенная русским крепостным мастером Петром Поталовым, постройки купцов Строгановых в Сольвычегодске и в Нижнем Новгороде.

Архитектурное мастерство, достигшее в XVII веке исключительного разнообразия форм, задерживалось в своем развитии

старой организацией строительства, не отвечавшего запросам архитекторов, старыми строительными приемами, старыми способами обучения зодчих и недостатком теоретических знаний. Этот разрыв с годами становился все большим.

Древняя Русь не знала специального архитектурного обучения. Зодчие воспитывались исключительно на практической работе. Они начинали свою работу простыми каменщиками и овладевали архитектурными знаниями во время долгой работы, иногда в течение нескольких десятков лет. Часто строительное дело было семейной профессией, передавалось от отца к сыну, из поколения в поколение. В этих условиях традиционные формы достигали высокого совершенства, однако введение новых конструктивных решений было крайне затруднено.

Особенно тормозилось развитие архитектуры в конце XVII столетия невозможностью произвести предварительные расчеты или точно отобразить архитектурные замыслы в чертеже. В чертежах господствовали иконописные приемы условного изображения зданий. Отдельные части зданий изображались в условной, «обратной» перспективе, как на иконах, и т. д. В результате выстроенное здание резко расходилось с чертежом, а чертеж не соответствовал местности и требовал исправления в процессе стройки, как это было, например, при постройке гостиного двора в Архангельске.

Поиски новых форм — в родной старине, в народном творчестве, на Западе, на Украине, на Востоке, — непрерывные изменения, срывы и гениальные удачи — все это были признаки сложных борений живого, сильного и одаренного организма с вставшими на его пути препятствиями. Необходима была коренная ломка и изменение всех организационных форм строительства, чтобы русская архитектура, двигавшаяся поразительным напряжением высоких личных способностей зодчих, могла продолжать свое поступательное развитие.

* * *

Аналогичные противоречия мешали и дальнейшему развитию живописи. Техника иконописи, отвечавшая потребности условного средневекового искусства, не могла, однако, удовлетворить новым требованиям, предъявляемым к живописи во второй половине XVII века. Яичные краски смешивались с трудом и почти не позволяли передавать светотень, воздушную перспективу, а в конечном счете и реально отображать действительность.

А в XVII веке постепенно разрушается старое, условное представление о пространстве, о внутренности зданий. Вместо того чтобы, как прежде, рисуя действие, происходящее внутри здания, изображать его на фоне этого здания, иконописцы пытаются создавать иллюзию реального пространства. Палаты, которые прежде изображались только снаружи и в чрезвычайно уменьшенных сравнительно с человеческими фигурами размерах, растут в высоту и вширь и как бы надвигаются на зрителя. Прежнее условное разделение переднего плана с человеческими фигурами и заднего с изображением зданий теряют значение, сохраняясь лишь в архаических композициях. Мало этого, в надвинувшихся на зрителя зданиях, в стене, прямо противоположной зрителю, открываются

окна, обращенные в пространство за зданиями. Сперва темные, они затем начинают изображаться со стеклами, давая ощущение пространства и за пределами здания. Раздвинувшееся пространство вводится постепенно в законы перспективы. Это новое ощущение живописной глубины, новое реалистическое представление о пространстве требовало, конечно, особых средств для своего выражения, неизвестных иконописной технике. Перенесение в иконопись линейной и воздушной перспективы, светотени, изображение реальной архитектуры, а иногда и реального пейзажа с более или менее правдоподобными, не условными деревьями — все это было отходом от заветов старого иконописного письма, державшегося строго традиционных приемов и традиционных сюжетов, и требовало перехода к совершенно иным принципам живописи.

Сильное влияние на иконопись оказало искусство портрета. Жанр этот, первоначально стоявший несколько обособленно, во второй половине XVII века возбудил горячие, принципиальные споры, заставившие русское общество выбирать между условным и реалистическим изображением действительности. Портретное искусство требовало пластического изображения человеческих лиц, мастерства светотени, мягкой моделировки форм, недоступных иконописной технике. Особенное значение изображение человеческого лица приобрело в творчестве крупнейшего русского художника XVII века Симона Ушакова. Иконописный «лик» постепенно уступает место в его творчестве простому человеческому лицу. Симон Ушаков, подражая в иконописном письме масляной живописи, остается эклектиком, не сумев отказаться от приемов древнего русского искусства.

Таким образом, новые задачи, стоявшие перед русской живописью в XVII веке, движение ее от условных традиционных форм к правдивому и точному изображению «живства», властно требовали отказа от иконописной техники. О неудовлетворенности иконописанием свидетельствуют и приглашение иностранных художников, и щедрая оплата их труда. Во второй половине XVII века развертывается интенсивная деятельность Оружейной палаты, ставшей, в особенности под руководством боярина Хитрово, своеобразной русской Академией художеств, диктовавшей художественные вкусы русскому обществу. Начиная с середины XVII века здесь сосредотачивается много русских и иностранных художников, рисовавших «с живства» и занимавшихся «парсунным» (портретным) мастерством. Многочисленные «парсуны» работы заезжих мастеров свидетельствуют о посредственном таланте большинства из них, так резко противостоящем изощренному мастерству русских иконописцев. Однако иконопись перестала удовлетворять вкусам большинства, и это было главное. Все сильнее и смелее проявлялась тяга к западноевропейской живописи с ее искусством светотени и перспективы, с ее реалистическим отображением действительности, которого не могло дать условное иконописание.

Конечно, дело шло не о простом переходе от одной техники живописи к другой — более гибкой и более отвечающей потребностям развития. Дело шло о перестройке всей системы изобразительного искусства. Эта перестройка могла совершиться лишь на новой основе, должна была сопровождаться отказом от иконописных традиций в целом.

Значительного развития в XVII веке достигает металлургия. Среди крупных центров металлургического производства первое место занимает Тульско-Серпуховский район, затем Тихвин, Заонежье, Галич, Нижний Новгород. Государство уже в 20-х годах XVII века строило заводы на Урале и в Томске. В 30-х годах были открыты месторождения медной руды около Соликамска и построен Пыскорский медеплавильный завод. В 1637 году голландский купец А. Д. Виннус по соглашению с русским правительством построил в районе Тулы три вододействующих железоделательных заводов, вскоре перешедших во владение датчанина П. Марселеса и голландца Ф. Акема. Появились заводы около Каширы, в Олонецком крае, в селе Павловском около Звенигорода, в районе Воронежа и др. Многие из этих заводов были оборудованы на основе новейшей европейской техники. Одним из наиболее совершенных предприятий был московский Пушечный двор, где отливались не только различные орудия, но и колокола, паникадила и др.

В московской Оружейной палате производилось легкое оружие, холодное и огнестрельное. Оружейной палате были подчинены Золотая и Серебряная палаты — центры развившегося ювелирного искусства.

Большого размаха достигло плотничье дело, особенно на Севере. Здесь славились плотники Каргополя, Мезени, устюжские, двинские, вятские, вологодские. Двинские и каргопольские плотники были еще и превосходными лодейными мастерами. Удобство и быстроходность русских лодей, плававших по Ледовитому океану и Белому морю, отмечали в XVI веке английские моряки.

Организовывались кожевенные заводы (в Пскове), текстильные предприятия (в Кадашевской слободе в Замоскворечье, в Тверской Константиновской слободе, в Хамовниках под Москвой, под Ярославлем и др.), стекольные заводы (в селе Духанине под Москвой). Развивалось канатное производство, появились соляные варницы, особенно в Соли Камской, где было свыше 200 варниц, ежегодно вываривавших до 7 миллионов пудов соли.

На всех этих предприятиях использовались и вольнонаемные работники и крепостные.

Прикладное искусство достигло в XVII веке большого расцвета. Многие вещи крестьянского, дворянского или боярского быта были произведениями искусства. Резьбой покрывались мебель, прялки, посуда, наличники окон, двери, фронтоны зданий. Все ярко расписывалось. Здания украшались цветными изразцами. Широко применялось в быту художественное прорезное железо. Получило распространение «низанис» из речного жемчуга, драгоценных камней и металлических пластинок. Им украшались оплечья (воротники), подола, рукава богатой одежды.

Сельское хозяйство в XVII веке развивалось главным образом за счет территориальных расширений на юге и северо-востоке. Под прикрытием укрепленных линий, которые строило правительство

для защиты от кочевников в степи, селились крестьяне, бежавшие сюда из центральных районов от все усиливавшегося закрепощения и невыносимой эксплуатации. Южные области с их черноземной почвой давали много хлеба, который использовался на продажу.

Богатая пушниной Сибирь поставляла ценный мех. Им платило «ясак» (подать) местное население, его получали и от русских охотников.

Характерная черта сельского хозяйства XVII века — увеличение его товарной продуктивности. Хлеб, пенька, лен, конопля становятся все более важными объектами торговли, не только внутренней, но и внешней.

Через Архангельский порт отправлялись в Западную Европу кожа, рожь, ячмень, пшеница, пенька, лен, холст, поташ, меха, щетина и т. д. В восточные страны через Астрахань и сибирские города шли меха, моржовая кость, кожа и т. д. Из Западной Европы ввозились сукна, металлы (олово, свинец, медь), оружие, жемчуг и драгоценные камни, бумага, пряности, благовония и т. д. С Востока шли шёлк-сырец, шелковые ткани, ковры, различные дорогие вещи. Внешняя торговля чрезвычайно расширилась.

С середины XVII века устанавливается непосредственная торговля с Индией, а в последней четверти XVII века — с Китаем.

• • •

Особенно велик вклад русских людей XVII века в мировую географическую науку. Они сделали ценнейшие географические открытия на севере и северо-востоке Азии. В 1633 году Ребров и Перфильев прошли по реке Лене до ее устья и дальше, в 1636 году по морю до рек Яны и Индигирки. В 1641—1644 годах Стадухин прошел по Индигирке и дальше морем до Колымы. В 1643—1646 годах Поярков обследовал берега Охотского моря, а в 1648 году Попов и Дежнев проплыли из Ледовитого океана в Тихий, установив, что Азия отделена морем от Америки. В 1647—1651 годах Дежнев совершает путешествие по Амуру. Русские «землепроходцы» составляют интереснейшие записи о путешествиях в Китай и в Монголию (И. Петлин, Ф. Байков, Н. Спафарий).

Географические материалы обобщались в Сибирском приказе. Западноевропейские географы стремились всеми способами получить русские географические материалы из Посольского и Сибирского приказов. Целый ряд западноевропейских географических работ был основан на русских материалах.

Особенное значение имела составленная в 1627 году в Разрядном приказе «Книга Большому Чертежу», содержащая перечень городов, сведения о расстояниях между ними и краткие географические заметки. Эта книга была составлена для «государевой службы — посылок», но имела более широкое познавательное значение и постоянно дополнялась новыми данными.

В конце XVII века появляются и первые ученые-географы. К ним в первую очередь следует отнести разносторонне одаренного собирателя сведений о Сибири тобольского жителя Семена Ремезова. Ремезов был живописцем, выдающимся картографом,

архитектором, этнографом и археологом. На основании приговора Сибирского приказа 1696 года Семен Ремезов составляет чертеж всей Сибири, в 1701 году он заканчивает этнографическую карту Сибири с соответствующим описанием, а также «Историю сибирскую».

Однако, как бы ни были высоки достижения отдельных ученых, как бы ни были ценны накопленные знания, развитие науки сильно тормозилось тем, что школы находились в основном в руках церкви, систематическое образование было по преимуществу церковным, накопленные знания передавались кустарно, систематически налаженного светского, научного и технического обучения не производилось. Талантливые самоучки вынуждены были собственными усилиями преодолевать препятствия, которые на каждом шагу ставило им отсутствие училищ, научных учреждений, учебников, научных библиотек.

Дальнейшее развитие архитектуры, металлургии, кораблестроения, артиллерии, военного дела в целом, медицины задерживалось недостаточным развитием теоретической мысли в области математики, физики, химии, ботаники, церковным характером образования.

Выход из затруднения безуспешно пытались найти в иностранных книгах. В XVII веке резко усиливается приток иностранных книг, изданий античных классиков, исторических, географических, медицинских, философских, естественнонаучных трудов, лексиконов и т. д. Часть из них переводится на русский язык. В 1637 году был переведен труд Меркатора под названием «Книга, глаголемая космография». Были переведены первые четыре тома атласа Блеу, география Луки де-Линда, в которых пропагандировалась система Коперника. Изложение системы Коперника имелось и в изданном в середине 70-х годов XVII века переводе книги данцигского астронома Гевелия «Селенография» («Описание Луны»).

В XVII веке делаются попытки создания ряда практических руководств на русском языке. Сведения по математике, физике и химии сообщал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — компилятивное произведение Анисима Михайлова. Прямыми предшественниками петровских изданий по военному делу явились переводы книг Бальгаузена «Учение и хитрость ратного строения некоторых людей» и «Голландского воинского устава о наказаниях».

Значительно увеличивается количество библиотек и расширяется их состав. В XVII веке кроме библиотек монастырей известны библиотеки Посольского приказа, Московской типографии, царская библиотека, библиотеки отдельных представителей знати — А. Л. Ордин-Нащокина, А. С. Матвеева, князя В. В. Голицына. Ценителем книги был и патриарх Никон, не только собравший большую библиотеку, но часто даривший книги монастырям. В библиотеках этого времени кроме русских было много книг на латинском, греческом, польском, немецком и других языках.

Однако в каждой области жизни явственно ощущались затруднения в обучении специалистов, недостаточность глубоких теоретических научных знаний, отсутствие теоретических руководств. Эти затруднения не могли быть устранены путем перевода

и издания отдельных книг или просто открытием технических школ. Было общее препятствие — церковный характер средневекового просвещения. Это препятствие должно было быть во что бы то ни стало устранено, хотя русская образованность в XVII веке находилась отнюдь не на низком уровне. Данные, собранные академиком А. И. Соболевским, свидетельствуют о широком распространении грамотности во всех слоях населения, — не меньшем, чем в Западной Европе той поры. По подсчетам А. И. Соболевского, грамотных среди землевладельцев дальнего севера в первой половине XVI века было более 80%, процент грамотных среди новгородских помещиков в начале XVII века был не ниже 55; процент грамотных при дворе в конце XVI века был выше 78; процент грамотных между посадскими людьми в XVII веке был не ниже 20, среди крестьян в XVII веке грамотных было не менее 15%. Белое духовенство (не монахи) было поголовно грамотным.

Наличие обширной народной сатирической литературы свидетельствует о глубоком интересе к чтению среди посадских людей, и даже крестьян.

Потребностью в образовании было вызвано во второй половине XVII века устройство правительственных и частных школ. Школы были открыты в Чудовом (1653) и Спасском (1665) монастырях. Ф. М. Ртищев завел школу в Андреевском монастыре (1648—1649). Целью обучения было по преимуществу овладение языками: латинским и греческим. Вместе с тем преподавались науки, связанные своим содержанием со средневековой образованностью: грамматика, риторика и философия. В 1668 году прихожане церкви Ивана Богослова в Китай-городе пытались устроить при ней «гимнасион» для преподавания грамматики, славянского, греческого и латинского языков «и прочих свободных учений». В 1680 году открылась особая школа при Печатном дворе, где обучение велось также по преимуществу языкам. Наконец, в 1685 году под руководством братьев Лихудов начались занятия в московской Славяно-греко-латинской академии. Московская академия была первым высшим учебным заведением в России и имела много учеников. Она давала по тем временам весьма высокое образование: в ней по учебникам Лихудов преподавались логика, психология, «физика, или естественная философия». Один из ее учеников, Петр Постников, был первым русским, получившим докторскую степень в Падуанском университете. Заслугой Академии было расширение кругозора учащихся, приобщение их к философской мысли древнего мира, выработка научных навыков. Но открытие Академии не разрешало вопросов русского образования. Образованность XVII века не могла ответить запросам все усложняющейся жизни. В основном она сохраняла средневековый характер, была оторвана от задач познания и овладения силами природы. Необходима была коренная ломка всей системы образования, отказ от его средневековой ограниченности, необходимо было создание светских научных учреждений, систематически разрабатывающих определенные отрасли науки, необходимо было широкое развитие теоретических знаний, без чего не могло совершаться и развитие техники.

Таким образом, канун Петровских реформ в истории русского просвещения отмечен резким противоречием между старой

формой образования и новыми потребностями, между стремительным движением вперед и сковывающими это движение «ученическими» приемами обучения. Отсутствие научных учреждений и устаревшие формы просвещения стали преградой перед все усложнявшимися потребностями русской культуры.

• • •

Оглянемся назад — на развитие русской культуры с X века по XVII. Мы видим, что русская культура за эти восемь веков создала немало непреходящих ценностей.

Особенно высокие ценности были созданы в области художественной. Богатое формами, разнообразное по стилям русское зодчество не отставало от западноевропейского. Мозаики, фрески и иконы X—XVII веков представляют большую ценность. Прекрасные вещи были созданы в области прикладного искусства. В литературе мы имеем ряд превосходных произведений, таких, как «Слово о полку Игореве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повести об азовском осадном сидении казаков», «Повесть о Горе Злочастии», сочинения протопопа Аввакума. Но особенного развития достигла в древней Руси историческая литература: огромное по размерам и исключительно тщательное летописание, хронографы, исторические повести и т. д.

Все это создавалось русским народом в невероятно тяжелых условиях: в условиях двухсотлетнего монголо-татарского ига и жесточайшей эксплуатации трудящихся.

Явно отставала наука — теоретическое знание, хотя практические знания и были очень велики.

Петровские реформы начала XVIII века застали русскую культуру как раз в тот период, когда в ней были накоплены величайшие возможности будущего развития. Чтобы полностью проявиться этим возможностям, надо было сломать старые формы развития культуры, перевести это развитие на светские начала, создать условия для накопления и передачи знаний в школах, в академиях, в теоретических обобщениях, создать новые формы литературы, поэзии, театра.

Все это и было сделано в XVIII и XIX веках.

